

УДК 81'1 : 008

**ДИНАМИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ И
КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ
ПЕРЕВОДОВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» А. С. ПУШКИНА)**

Ю. И. Клушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
кафедра иностранных языков богословского факультета

Метод динамической эквивалентности Ю. Найды предполагает нахождение языковых соответствий между единицами различных языков (оригинала и перевода). Однако сам же Найда в своих рассуждениях демонстрирует, что точные данные языков не могут служить прочным основанием для обретения точного динамического эквивалента. Таким основанием, по мнению автора статьи, является коммуникативная ситуация, тождественно мыслимая вне языковых данных, которая и дает основание для нахождения динамических эквивалентов. Примеры английских переводов слова *берег* [11, с. 35] показывают, что для передачи авторского коммуникативного действия в арсенале английских коммуникативных клише имеется большой выбор возможностей: переводчик может вовсе отказаться от данной пары *берег – shore, bank*, передать *берег* ситуативно, по умолчанию, или воспользоваться эксплицитным указанием посредством отдельного слова.

Ключевые слова: *теория перевода, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, проблемы передачи значения в переводе, динамическая эквивалентность, структурно-формальная и коммуникативная парадигма лингвистического анализа, перевод как коммуникативная практика*

Наблюдения над практикой различных переводов пушкинского «Евгения Онегина» (как и других художественных переводов, особенно стихотворных) приводят к необходимости признать правомерность функционального подхода, принципы которого были сформулированы Ю. Найдой (впоследствии совместно с Ч. Тэйбером) [6]. Речь идет о так называемой динамической эквивалентности, в основу которой указанные авторы полагают понятие трансформации (*transformation*) или переноса (*transfer*), предполагающие перестраивания текста на различных уровнях организации в соответствии с требованиями целевого языка. В совместном труде исследователей устанавливаются основные принципы динамической эквивалентности в переводе, среди которых есть указание на специфичность «гениев различных языков», а также требование воспроизводить на целевом языке текст так, «как его понимал автор» [7, с. 3–8]. Наилучшим, с точки зрения авторов книги, будет перевод, который на целевом языке вообще не звучит как перевод [7, с. 12–13].

При всей обоснованности динамического подхода позволим себе высказать одно методологическое замечание по результатам наших наблюдений. В основу поиска эквивалентов Найда и Тэйбер полагают данные языков и возможность установить корреляции между единицами этих языков: с их точки зрения, после определения глубинной структуры высказывания

(термин из арсенала генеративной лингвистики Н. Хомского) каждый язык предлагает свой способ реализации данной структуры [7, с. 173]. Соответственно, формальная связь между вербальными единицами различных языков может быть установлена достаточно точно, через соответствие языковых данных единой глубинной структуре. При этом сами авторы «Теории и практики перевода» несколько противоречили заданному в их же исследовании вектору точности в нахождении языковых соответствий. Так, ими было заявлено, что форма языкового соответствия не имеет значения сама по себе (но только как адекватное выражение смысла) и зависит только от него. Сам процесс перевода интерпретируется Найдой как адекватная передача значения (*meaning*) средствами целевого языка [7, с. 3–8], а перевод считается хорошим, если «форма переструктурирована (изменены синтаксис и лексика), чтобы передать точное значение» [7, с. 173]. При переводе текста с одного языка на другой необходимо сохранять только значение, в то время как форма, кроме особых случаев (напр., поэзия), глубоко вторична (*largely secondary*)» [7, с. 105].

Наряду с некоторым пренебрежением к форме, Найда и Тэйбер демонстрируют и другие отступления от точного языкового метода в поисках эквивалентов. Так, лексемы, подлежащие переводу, обладают не только *референциальным* (указывает на предметы и явления), но также *коннотативным* значением (воздействует на эмоциональную и ассоциативную сферу адресата) и должны сохранять оба эти компонента значения при переводе. Именно коннотативный (эстетический) компонент интерпретируется Найдой как главное условие невозможности машинного перевода: несмотря на поставленную задачу отыскать стандартизированный алгоритм перевода, Найда отчетливо видит неспособность машины справиться с эстетической стороной текста [6].

Попытки формализовать поиск динамических эквивалентов приводят Найду и Тэйбера скорее к обратному результату, который лишь подчеркивает неспособность языковых данных отвечать требованиям строгой системности. Так, при неизбежных рассуждениях о многообразных разновидностях и уровнях языка (*levels, varieties*) авторы вынуждены констатировать, что нельзя говорить о каком-то едином языке (русском, английском и пр.) ввиду различных вариантов этих языков (современный-архаичный, устный-письменный, высокий-низкий, официальный-неформальный и пр.) [7, с. 120–124]. Эти варианты и оппозиции могут пересекаться и составлять неожиданные комбинации, как, например, официальный регистр может быть устным, а письменный – просторечным, и пр. Переводчик должен учитывать эту живую реальность коммуникации и отражать ее в своем переводе, применяя различные регистры и уровни иногда даже в рамках единых отрывков. С нашей точки зрения, эти сомнения, указывающие на семантическую неопределенность формальной стороны вербального материала, полагаются в русле коммуникативных тенденций осмысления естественного вербального процесса, в том числе и перевода как коммуникативной практики. Одна из таких тенденций, с нашей точки зрения, состоит в снятии языка как системы отношений смысло-формальных элементов, которую заменяет собой коммуникативная типология [2, с. 29].

Поэтому переводчик, представляя коммуникативное действие на другом языке, ищет эквиваленты в области не языковых, а ситуативно-коммуникативных корреляций. Знание коммуникативной типологии позволяет говорящему производить и интерпретировать вербальные действия, достигая успеха в их порождении и понимании, а также сравнивать между собой вербальные действия на различных языках, переводить их, систематизировать и пр. [4, с. 110]. Именно поэтому точных языковых эквивалентов, верных для всех случаев перевода, указать невозможно. Но сама ситуация коммуникативного действия, мыслимая невербально и тождественно, независимо от данных языков, будет всякий раз предлагать вполне приемлемые вербальные корреляты из арсенала различных коммуникативных сообществ (русских, английских и пр.): «Так, немец, говорящий в актуальной ситуации по-немецки, *совершает то же самое* (здесь и далее выделено мной – Ю. К.), что англичанин, говорящий в той же ситуации по-английски. И в том, и в другом случаях адресатом понимаются не слова, а сам личный акт, который благодаря тождеству действия можно переводить с "английского" на "немецкий" (также невербально понимается, например, и несловесный знак). Разница "языков" – то есть способов представления тождественного действия – не затрагивает смысла сказанного, который, по всей видимости, лежит за пределами вербальности» [4, с. 109].

В качестве примера приведем эпизод из «Евгения Онегина» и соответствующие опыты английских переводов. В строфе 35 4-й книги («Бродя над озером моим, // Пугаю стадо диких уток: // Вняв пенью сладкозвучных строф, // Они слетают с берегов» [3, с. 321]) слово *берег* имеет регулярные (языковые) английские соответствия *shore* и *bank*. Обыкновенно данная языковая корреляция «берег – *shore, bank*» интерпретируется как гиперогипонимические отношения (семантический объем русского гиперонима охватывает оба английские гипонима *берег реки* и *берег моря*): a bank of the river (the sloping side of any hollow in the ground, especially when bordering a river), a shore of the sea (the land along the edge of a sea) [5].

В то же время английские переводы этого места убеждают в том, что данная языковая корреляция оказалась необходимой не всем переводчикам: "I ramble out along my lake // And scare the wild ducks from their nesting: // They, when my dulcet lines they hear, // Take flight from *shore*, and disappear" (Elton) [14]; "I take / a rambling walk beside my lake // And duck get up; with instant timing, // alarmed by my melodious lay, // they leave their *shores* and fly away" (Johnston) [9]; "I sadly wander // beside the lake, my honeyed words // are sure to frighten off the birds" (Beck) [10]; "I sail upon my lakes at times // And terrify a swarm of ducks // Who, heard the music of my lay // Take to their wings and fly away" (Bonver) [13]; "I wander by my lake and flush // The wild ducks from their reedy nest; // On hearing my sweet-resounding lay, // They rise, alarmed, and fly away" (Kayden) [11]; "Roaming along my lake, I scare a flock of wild ducks: on harking to the chant of sweet-toned strophes, they fly off from the *banks*" (Nabokov) [15].

Как видно, среди переводчиков только Набоков употребил слово *bank*. Bonver, Kayden и Beck вовсе избегают упоминаний о каком-либо *береге*. Только Johnston и Elton используют *shore* как эквивалент пушкинского слова.

Обращает на себя внимание не сам факт отсутствия лексемы в тексте, а те возможности, которые имеет переводчик для передачи пушкинской реалии. Как и во многих других случаях, значение, по-видимому, имеет не конкретное слово, а комплексная ситуация, в которой становятся понятными субъекты, объекты и действия. Именно поэтому главным словом, которое передает ключевую информацию, является *озеро* и, соответственно, английское *lake*. Ясно, что бродить над озером (у озера, рядом с озером) можно только по берегу. Испуганные утки могут взлетать как с берега, так и с поверхности воды, и в этом случае упоминание о берегу было бы уместным для преодоления неясности ситуации. Однако для исполнения этой задачи (преодоления неясности) переводчики считают возможным указать как на сам *берег* (*Johnston* и *Elton*), так и на *гнезда* (*Elton* и *Kayden*), которые могут располагаться только на берегу. Из переводчиков *Bonver* и *Beck* вовсе не упоминает ни о берегу, ни о гнездах (или еще о каких-то объектах на берегу), что, по-видимому, следует считать упущением в переводе. Характерно, что именно слово *lake*, передающее ключевое понятие в данной ситуации и определяющее всю перспективу адресата, используют в своем тексте все без исключения переводчики.

Как видно, недостаточная определенность англо-русского языкового соответствия *берег* – *shore, bank* не вызывает никаких неудобств в переводе, поскольку переводчик отслеживает не языковые, а ситуационные корреляции: он передает, что автор текста сообщает об эпизоде, в котором указание на берег является излишним, если он и без того находится у озера. И для передачи этой ситуации в арсенале английских коммуникативных клише имеется большой выбор возможностей: переводчик может вовсе отказаться от данной пары *берег* – *shore, bank*, передать *берег* ситуативно, по умолчанию, или воспользоваться эксплицитным указанием посредством отдельного слова.

Список литературы

1. Вдовиченко, А. В. «How To Do Things With Words» Дж. Остина: между логикой и коммуникацией [Текст] / А. В. Вдовиченко // Вестник ПСТГУ. Вып. 1 (11). – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – С. 103–116.
2. Вдовиченко, А. В. Наука об игре. Античные и дискурсивные представления об объекте лингвистики [Текст] / А. В. Вдовиченко // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры ; под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Индрик, 2006. – С. 17–30.
3. Пушкин, А. С. Избранные сочинения [Текст] : в 2-х т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. литература, 1978. – Т. 2 : Евгений Онегин. – 463 с.
4. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ООО Изд-во «Астрель», 2000. – Т. 1 : А – К. – 633 с.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture [Текст]. – London, 1998. – 277 p.
6. Nida, E. Toward a Science of Translating [Текст] / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 385 p.
7. Nida, E., Taber, Ch. R. The Theory and Practice of Translation [Текст] / E. Nida, Ch. R. Taber. – Leiden : Brill, 1969. – 307 p.
8. Oxford Dictionary of the English Language [Текст]. – М. : Астрель, 2001. – 895 с.

9. Pushkin, A. Eugene Onegin [Текст] / A. Pushkin : Translated by [Sir] Charles [Heburn] Johnston [1912–1986]. – London : Scholar Press, 1977. – 359 p.
10. Pushkin, A. Eugene Onegin [Текст] / A. Pushkin : Translated with an introduction and notes by Tom Beck. – Sawtry, Cambs : Dedalus 2004. – 289 p.
11. Pushkin, A. Eugene Onegin: A Novel in Verse [Текст] / A. Pushkin : Translated from the Russian by Eugene M[ark]. Kayden [1886–1977]. – Yellow Springs, OH: The Antioch Press 1964. – 307 c.
12. Pushkin, A. Eugene Onegin: A novel in Verse [Текст] / A. Pushkin : The Bollingen prize translation in the Onegin Stanza by Walter Arndt. Critical Essays by Roman Jakobson, D. J. Richards, J. Thomas Shaw and Sona Stephan Hoisington. – New York, N Y : Dutton 1963. – 375 p.
13. Pushkin, A. Evgeny Onegin (A Novel in Verses) [Электронный ресурс] / A. Pushkin : Translated by Y. Bonver [Евгений Бонвер] 2001–2003; last correction 2004. – Режим доступа: http://www.poetryloverspage.com/evgeny/pushkin/evgeny_onegin.html. – Дата обращения: 13.04.2013. – Загл. с экрана.
14. Pushkin, A. Evgeny Onegin [Текст] / A. Pushkin : translated by Oliver Elton [1861–1945] and illustrated by M. V. Dobujinsky ; with a foreword by Desmond MacCarthy. – London : The Pushkin Press, 1937. – 297 p.
15. Pushkin, A. Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin [Текст] / A. Pushkin : Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir [Vladimirovich] Nabokov [1899–1977]. – London : Routledge & Kegan Paul 1964. – 571 p.

NIDA'S DYNAMIC EQUIVALENCE IN LANGUAGE AND COMMUNICATIVE ASPECTS (ON THE EXAMPLES OF ENGLISH TRANSLATIONS OF A. S. PUSHKIN'S "EUGENE ONEGIN")

J. I. Klushina

St Tikhon's Orthodox University of the Humanities
The department of foreign languages

Nida's method of dynamic equivalence assumes that one finds language compliances between elements of various languages (original and target). However, Nida himself states in his works that exact linguistic data can not form the basis for finding an exact dynamic equivalent. This basis, according to the author of the article, is represented by the communicative situation, which is identically imaginable beyond the language data. Thus, Russian word *берег* (Onegin, 4:35) shows that the author's communicative action gives a translator a wide choice of opportunities: the translator can totally reject the couple *берег* - shore, bank, or transfer the coast situationally, by default, or use the explicit instruction by means of a separate word.

Key words: *the transfer theory, "Eugene Onegin" of Pushkin, problems of transferring meaning, dynamic equivalence, formal and communicative paradigms of linguistic analysis, transfer as a communicative practice*

Об авторах:

КЛУШИНА Юлия Игоревна – доцент кафедры иностранных языков богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 236), e-mail: j.i.klushina@mail.ru